

Старинная одежда и принадлежности домашнего быта слобожанъ.

Историческій южно-русскій Архивъ, хранящійся при Харьковскомъ университетѣ, заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго матеріала и для вѣдѣній исторіи и, вѣроятно, еще болѣе—для внутреннего быта Украины, вообще, а въ частности и Слободской Украины. Онъ, можно сказать, еще не тронутъ и ждетъ работниковъ. Настоящая замѣтка можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія детальныя подробности внутреннего быта могутъ быть восстановлены по дѣламъ, заключающимся въ архивѣ. Мы взяли дѣло (начавшееся въ 1705 г.) о конфискованныхъ вещахъ, составлявшихъ движимое имущество ахтырскихъ полковниковъ Ивана и сына его Данила Перекрестовыхъ, и на основаніи его хотимъ представить, какъ одѣвались, а частью также и какъ обставляли себя въ своемъ домашнемъ быту, Слобожане начала XVIII, а слѣдовательно и конца XVII вв. Конечно, описаніе, составленное на основаніи лишь такого матеріала, какъ голый перечень вещей, не можетъ не страдать отрывочностью и сухостью; но за то оно составлено на основаніи матеріала, относящагося къ первой эпохѣ существованія Слободской Украины, хотя, какъ надо думать, имѣетъ силу и для послѣдующаго времени вплоть до учрежденія намѣстничества, когда произошелъ крутой переломъ въ правахъ и была оставлена, между прочимъ, и старинная одежда. Но, скажутъ, можетъ быть, можно-ли принять обстановку человѣка, находящагося въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ богатый полковникъ, за характерную для данной эпохи? Конечно, можно, отвѣчаемъ мы съ увѣренностью, такъ какъ разница въ обстановкѣ между исключительно поставленнымъ и среднимъ человѣкомъ того времени могла быть только количественная, но не качественная. Наоборотъ, обстановка богатаго имѣетъ для изученія тѣ преимущества, что представляетъ полноту типа, идеаль, къ осуществленію котораго стремилось все, ниже стоящее на ступеняхъ общественной лѣстницы. Вліяніе же личнаго настроенія, индивидуальнаго вкуса, моды и т. п. также мало отражалось на принадлежностяхъ домашнего быта полковника Перекрестова, какъ и послѣдняго казака или подданнаго мужика. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ полномъ правѣ брать обстановку полковника Перекрестова, какъ она выступаетъ изъ перечня движимаго имущества, за типичную. Въ нѣкоторую помощь себѣ, воспользуемся маленькой замѣткой Квитки объ одеждѣ Слобожанъ, помѣщенной въ „Современникъ“ за 1841 г. (№ 1, ст. „Украинцы“, стр. 79).

Приступая къ изложенію, сдѣлаемъ прежде всего слѣдующее ограничивающее замѣчаніе. Перечень вещей нашъ основной матеріалъ—не смотря на свою кажущуюся полноту, очень одностороненъ. Очевидно, въ него вошли только вещи, имѣвшія „денежную“ „рыночную“ стоимость въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. приобретенныя за деньги. Вся масса вещей, произведенныхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и потреблявшаяся, конечно, внутри этого хозяйства,—не вошла въ этотъ перечень вовсе. А масса этихъ вещей, при тогдашнихъ патріархальныхъ условіяхъ экономическаго быта, должна была быть чрезвычайно значительна и по объему, и по цѣнности.

Бѣлье, разумѣется, шилось изъ полотна, которое ткалось работницами подѣ личнымъ наблюдениемъ пани-полковницы; сама пани-полковница, конечно, не брезгала одѣваться въ плахты, которыя производились искусными мастерицами тутъ-же, у нея, въ домѣ; такъ, полковникѣ носилъ въ будни шапку изъ смушекъ своего стада и домашней выдѣлки; въ горницахъ персидскими коврами покрывались лавки, сдѣланныя изъ своего лѣса собственными мастерами въ своей домашней мастерской и т. д. и т. д. Понятно, какой пробѣлъ въ представленіи о домашнемъ обиходѣ долженъ вытекать, когда исключить изъ его принадлежностей всю эту массу вещей, оставивъ лишь то, что, по понятіямъ того времени, единственно представляло собою денежную цѣнность. Но мы даемъ, что можемъ, т. е. то, что намъ самимъ даетъ матеріалъ.

Прежде всего, самый существенный, самый главный и цѣнный предметъ бытовой обстановки—одежда. Сначала скажемъ о мужской одеждѣ, затѣмъ о женской.

Верхняя одежда слобожанъ, какъ и вообще малорусскаго казачества тѣхъ временъ, состояла изъ слѣдующихъ главныхъ составныхъ частей: широкихъ шараваръ, нижняго полукафтаныя и верхней одежды, чересскіи съ откидными рукавами, на красотѣ которой, кажется, сосредотчивались главнѣйшія пожеланія. Эти двѣ главныя составныя части мужской одежды въ перечнѣйшей полк. Перекрестова всюду окрещены посадскими воронежскими людьми,—вѣроятно, великороссами—общимъ именемъ кафтана. Такъ и мы будемъ ихъ называть. Кафтаны эти мы находимъ въ огромномъ обиліи и разнообразіи. Прежде всего они дѣлятся на теплые, т. е. мѣховые, и холодные. Теплые были сравнительно проще, такъ какъ не имѣли никакихъ украшеній, лишь изрѣдка полы опускались „огонками“ (хвостами). Мѣха подѣ эти кафтаны клались собольи,—пластинчатые, пупчатые или лапчатые,—лисы,—черевьи или хребтовые, красныхъ лисицъ,—и наконепецъ, бѣлыя хребтовые. Крылись эти мѣха: собольи краснымъ, зеленымъ бархатомъ или сукномъ, остальные—сукномъ, краснымъ, васильковымъ, коричневымъ, маковымъ или лимоннымъ съ искрою, свѣтло-лимоннымъ, а также камкою, дымчатой, песочной, коричневою, васильковою, осиновою. Холодные кафтаны имѣли болѣе нарядный видъ. Для покрывки ихъ допускались ткани болѣе блестящія и нарядныя. Ткань эта клалась на простую подкладку; но за то такой кафтанъ долженъ былъ необходимо имѣть „подпушекъ“, т. е. быть обложенъ какой-нибудь другою тканью, иного цвѣта и тоже болѣе или менѣе цѣнной. Кромѣ того, на этихъ кафтанахъ бывали серебряныя пуговицы, „мелкія“, „частыя“, какъ объ нихъ часто говорится въ перечнѣй, и иногда на обѣихъ полахъ по драгоцѣнной „запонкѣ“ съ изумрудами, „красными камнями“, и т. п. Кафтаны эти дѣлались изъ бѣлья, „баберку“, вишневые, золотые, или жаркіе, темнолимонные,—все это съ золотыми и серебряными травками, затѣмъ изъ бархату, красные и желтые, наконецъ, болѣе простые и больше всего изъ камки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: коричневые, васильковые, зеленые, красные, осиновые, малиновые, дымчатые; также и иногда и изъ сукна. Камчатные кафтаны бывали иногда тоже и съ серебряными травками. „Подпушекъ“ непременно долженъ былъ быть другого цвѣта, чѣмъ покрывка: такъ красный кафтанъ имѣлъ желтый,—лазоревый подпушекъ, дымчатый кафтанъ—зеленый подпушекъ и т. д. Достоинство подпушка было въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ покрывки кафтана: бѣльяриный, бархатный кафтанъ подпушался обыкновенно „тафтой“, иногда даже атласомъ или бѣльярю, камчатный обыкновенно тоже камкою, изрѣдка тафтой. Для подпушка выбиралась яркая матерія, часто съ травками серебряными или золотыми. Подкладка дѣлалась обыкновенно изъ кумачу; для болѣе цѣнныхъ кафтановъ брался иногда киндякъ.

На изображеніяхъ малорусскихъ полковниковъ, въ ихъ полномъ уборѣ, всегда видимъ накинутую на плечи сверху всего маптію. И, действительно, въ числѣ вещей полк. Перекрестова находимъ „епанчу“, темнозеленую суконную.

Полукафтанье непременно подпоясывалось и на достоинство пояса обращалось большое внимание. Не мудрено поэтому, что в перечни мы находим значительное количество болѣе или менѣе цѣнных кушаковъ. Все это кушаки турецкіе, или „простые шелковые“, или „съ золотомъ“ или „съ золотомъ и серебромъ“. Они были разныхъ размѣровъ, „большой руки“ и „меньшей руки“. Преобладающій цвѣтъ кушаковъ—красный, также зеленый.

Шанки мы находимъ въ перечни только бархатные соболѣи; упоминается о красномъ цвѣтѣ. Про нѣкоторыя сказано, что у нихъ исподъ бѣлчяго мѣху.

Кстати теперь было-бы сказать нѣсколько словъ и о саблѣ, этой необходимой принадлежности полного казачьяго наряда. Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду дальше поговорить объ оружьи, то оставляемъ пока и саблю, чтобъ перейти къ женской одеждѣ.

Въ перечни женской одежды на первомъ мѣстѣ стоитъ также самая верхняя одежда, по терминологіи воронежскихъ посадскихъ людей кафтаны, по мѣстной кунтуши. Кунтушь имѣлъ талию и рукава въ обтяжку—только назади, въ талии, были маленькіе сборки,—лежащій воротникъ, откидные отвороты на груди и обшлага на рукавахъ. На груди онъ былъ открытъ и только на талии схватывался крючкомъ, безъ пояса. Эти женскіе кафтаны также, какъ и мужскіе, были или теплые или холодные. По количеству матерій, употреблявшихся на покрывшу подпущекъ, подкладку, по цвѣтамъ этихъ матерій они совсѣмъ приближались къ мужскимъ; главное различіе было въ украшенияхъ. Въ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживается больше притязаній на красоту, или по крайней мѣрѣ на блескъ, чѣмъ въ мужскихъ. Матеріи тѣ же самыя: обьярь, бархатъ, баберекъ, сукно, камка. Но прежде всего, замѣтно, что женщины, для болѣе нарядныхъ кафтановъ, предпочитаютъ обьярь и баберекъ съ золотыми и серебрянными травками бархату. Затѣмъ видно было, что онѣ обращали большое вниманіе на подпущекъ своихъ кафтановъ, который являлся въ видѣ отложныхъ воротника, отворотовъ и обшлаговъ. Подпущекъ былъ, конечно, другого цвѣта и цѣнной матеріи. Чаще всего на него шла тафта желтая, простая или струйчатая, жаркая, рудожелтая, алая, также обьярь. Старались, чтобъ подпущекъ былъ не только не хуже покрывши по достоинству, но даже лучше: напр., камчатный рудожелтый кунтушь подпущался лазоревой обьярью и т. п. Но подпущкомъ не ограничивалось украшеніе кунтуша. Онъ, какъ теплый, такъ и холодный, непременно обшивался „нѣмецкимъ кружевомъ“, или хоть узенькимъ кружевомъ, золотымъ серебрянымъ, „съ городами“. Кружево иногда замѣнял галушъ золотой или золотой съ серебромъ. Случалось, что и кружево и галушъ шли вмѣстѣ. Лишь самыя простыя суконныя теплыя кунтуши, вѣроятно, старушечьи—обкладывались простымъ шнуркомъ. Женскіе кафтаны, какъ и мужскіе, клались на подкладку; только бархатные могли обходиться безъ нея. Подкладкой служилъ тотъ же кумачъ, рѣже киндикъ; болѣе простыя клались и на крашеннину. Это—холодные кунтуши. Теплыя были двухъ родовъ: или мѣховые или стеганные на ватѣ. Стеганные на ватѣ—это были болѣе простыя кунтуши, обыкновенно камчатныя. Но на мѣху дѣлались и нарядныя кунтуши, не только камчатныя, но обьяренные и баберекковыя со всѣми употребительными украшениями. Только, надо сказать, что подъ женскіе кафтаны меньшіе клались цѣнные мѣха, чѣмъ подъ мужскіе. Чаще всего встрѣчается мѣхъ бѣлый, черевій или хребтовый, рѣже лисій, черевій, красныхъ лисицъ, и еще рѣже соболій и рысій; поды нарядныхъ кунтушей онушались иногда огоньками соболѣями и другими. Цвѣта женскихъ кафтановъ тѣ же, что и мужскихъ, только, можетъ быть, нѣсколько чаще, чѣмъ въ мужскихъ встрѣчается цвѣтъ жаркій, рудожелтый, зеленый, васильковый, вишневый, темномалиновый, лазоревый и сравнительно рѣже коричневый, дикий.

Но женская цѣнная одежда не ограничивается, какъ мужская, кафтаномъ. Кромѣ него находимъ еще саны и бостроги, хотя надо сказать, что

того и другого было по счету гораздо меньше, чѣмъ кунтушей, Саяны—это юбки или, по мѣстному, спідницы. Онѣ дѣлались изъ тѣхъ же матерій, что и кунтуши: серебряной, зеленой, и т. п. обьяри съ золотыми и серебряными цвѣтами, цвѣтной камки; также облачивались нѣмецкимъ кружевомъ „золото съ серебромъ“ и клались на кумачную подкладку. Необходимую принадлежность саяна составлялъ бострогъ или корсетъ, безъ рукавовъ; онъ иногда пришивался къ саяну, но чаще надѣвался отдѣльно. Бострогъ, подходя подъ горло, былъ видѣнъ изъ подъ кунтуша, который имѣлъ, какъ уже сказано выше, отвороты на груди; оттого и бострогъ также дѣлался изъ цѣнныхъ и блестящихъ матерій; обьяри и камки, иногда бархату. Подъ нимъ обыкновенно не было подкладки; украшался онъ тѣми же нѣмецкими кружевами и галуномъ. Чтобъ дать понятіе о вкусѣ тогдашнихъ щеголихъ, проявлявшемся въ такомъ или иномъ соединеніи саяна съ бострогомъ, приведемъ два-три примѣра: „саянъ, обьярь серебрянная, по осиновой землѣ травы золотыя, кружево нѣмецкое золото съ серебромъ съ городами,—у него бострогъ обьяринной жаркой съ травки золотыми, кружево золото съ серебромъ“, или: „саянъ обьяринной зеленой, на немъ травки золотыя, кружево нѣмецкое съ городами золото съ серебромъ—у него бострогъ камчатой красной, кружево золото съ серебромъ, или еще: салъ камчатой цвѣтной кружево золото съ серебромъ....—у него бострогъ камчатой вишневой кружево золото съ серебромъ“ и т. д.

Ни женскихъ шапокъ, ни корабльковъ, ни очинковъ, однимъ словомъ, никакихъ головныхъ уборовъ нѣтъ въ числѣ вещей, вѣроятно, какъ слишкомъ ничтожныхъ по цѣнности.

Можетъ быть, слѣдуетъ причислить къ принадлежностямъ одежды платы и платки, которыхъ упоминается довольно много, бархатные, шитые по угламъ и вокругъ золотомъ и серебромъ, суконные, тоже шитые, наконецъ, турецкіе съ золотомъ и серебромъ; но платы употреблялись и для другихъ надобностей, напр. для покрыванія сѣделъ и т. п.

Неизвѣстно, почему, въ числѣ вещей не упоминается монета, которая тогда конечно—какъ и теперь, составляли одну изъ самыхъ цѣнныхъ принадлежностей малорусскаго женскаго наряда. Нѣтъ ни каралловъ, ни ятарей, ни гранатъ, ни золотыхъ или серебряныхъ крестовъ, ничего, кромѣ одного „червоного, что называется отдукатъ“ съ золотомъ цѣпочкою. Вместо всего этого упоминается только жемчугъ, но зато въ большомъ количествѣ. Изъ остальныхъ драгоценныхъ украшеній находимъ только золотыя перстни, большею частью женскіе, хотя упоминаются и мужескіе. Перстни это были съ алмазами и алмазными искрами, яхонтами, обыкновенными и лазоревыми, изумрудами, ладами.

Если женщины украшали себя перстнями, жемчугомъ и т. п., то главнымъ украшеніемъ мужскаго наряда было оружіе. Красивое и цѣнное оружіе, по крайней мѣрѣ столько же служило для своихъ спеціальныхъ цѣлей, какъ и для удовлетворенія потребностей вкуса, стремленій къ изящному. Разумѣется, не всякое оружіе было одинаково пригодно для этой цѣли, а то, по преимуществу, которое могло быть надѣваемо на себя. На первомъ планѣ между этимъ оружіемъ стояла сабля (также палашь), которая составляла необходимую принадлежность полнаго казачьего наряда. Самые цѣнныя сабли это были сабли турецкія. Цѣнныя сабли имѣли золотыя насѣчки, серебрянныя вызолоченныя оправы съ червчатыми яхонтами, съ бирюзами и др. драгоценными камнями; черны были яшмовые, черепаховые, рыбьей кости (моржевые), у болѣе простыхъ сабель—буйволовыя; ножны хозовыя, оправлялись серебромъ, золотились иногда, украшались также цѣнными камнями, покрывались краснымъ бархатомъ, ножны болѣе простыхъ сабель оправлялись посеребренной мѣдью. Изъ остальнаго холоднаго ручнаго оружія упоминается лишь обушекъ желѣзной съ насѣчкою, но тоже въ серебрянной оправѣ. Огнестрѣльное оружіе обыкновенно оставалось безъ украшеній; но все-таки щеголяли пистолетными ольстрами (кобурами), отвороты которыхъ шились по сафяну или сукну золотомъ и серебромъ. Кстати упомяну, что огнестрѣльное руч-

ное оружие состояло из пистолетов немецкой работы и пищадей турецких, а также тульского и немецкого дѣла. Турецкіе пищади украшались серебряными бляхами. Остальные принадлежности огнестрѣльнаго оружія были: рога, лядунки и борошни (вѣроятно мѣшки подъ пули). Нарядныя лядунки и борошни также шились золотомъ и серебромъ; рога были буйволыые или простые, накрытые хозомъ, и оправлялись въ серебро. Но все-таки огнестрѣльное оружие далеко не было такъ удобно для щегольства, какъ его предшественникъ—лукъ съ принадлежностями: хотя въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, луки уже, вѣроятно, не имѣли практическаго значенія, но они упоминаются еще въ числѣ вещей полк. Перекрестова. Упоминаются луки двухъ родовъ: крымскіе и сайдашныя. Украшались собственно не луки, а „лубья съ колчанами и стрѣлами“. Къ нимъ, прежде всего, требовались сайдашные пояса, которые оправлялись въ вызолоченное серебро; затѣмъ „луби съ колчана“ дѣлались сафьянныя и допускали украшенія въ видѣ серебряныхъ и вызолоченныхъ оправъ. Какъ луки, такъ конечно, и панцири, мисюрки, наручи были въ началѣ прошлаго стол. уже нѣкотораго рода анахронизмомъ, но тѣмъ не менѣе мы находимъ ихъ, и притомъ въ такомъ видѣ, что легко можно представить, какое широкое поле для щегольства представляли они, когда были въ общемъ употребленіи. Панцири—турецкіе „съ серебряными приправами“. Къ панцирямъ добавлялись наладонки съ наручами; наручи дѣлались серебряныя. Мисюрки были тоже серебряныя, мѣстами вызолоченныя—лишь подкладывались желѣзомъ. Иногда желѣзныя мисюрки украшались золотыми насѣчками.

Кстати будетъ здѣсь сказать еще два слова о булавахъ: хоть это и не украшеніе, и не оружие, но ближе все-таки къ этимъ вещамъ, чѣмъ къ принадлежностямъ домашняго обихода, о которыхъ пойдетъ рѣчь дальше. Собственно знаки полковничьяго достоинства назывались не булавами, а перначами, но мы удерживаемъ то названіе, которое встрѣчаемъ въ перечнѣ. Булавы „вѣшались“ на деревѣ и были серебряныя вызолоченныя, иногда по чернѣ, и украшались бирюзой. Въ заключеніе этого отдѣла необходимо поговорить о принадлежностяхъ верховой ѣзды, которыя составляли для мушкетеръ предметъ заботъ, пожалуй неменьшихъ, чѣмъ и оружіе. Главныя заботы сосредоточивались на самой сложной изъ этихъ принадлежностей, на сѣдлахъ. Сѣдла были или польскія, или черкасскія, или русскія (орчаки). Самое сѣдло могло быть или вовсе безъ оправы, или писано по дереву золотомъ или крыто януромъ, оправлено серебромъ, или серебромъ съ бирюзой, или украшено вызолоченными серебрянными штуками съ чернью и т. п. Сѣдельная подушка крылась краснымъ, зеленымъ, гвоздишнымъ бархатомъ, сафьяномъ, сукномъ, шитыми золотомъ и серебромъ; сѣдельныя крыльца того-же матеріала и той же отдѣлки, какъ и подушки. Сѣдельныя войлоки также покрывались сафьяномъ или бархатомъ, вышивались по угламъ серебромъ, а, случалось даже облачивались немецкимъ кружевомъ-золото съ серебромъ. Для покрыванія сѣделъ употреблялись также суконныя платы, шитые по угламъ золотомъ и серебромъ.

Затѣмъ—узды. Узды были „оправныя серебрянныя“, вызолоченныя, „блывачатыя“, съ похвьями и съ паперетами. Упоминается еще „муштучекъ турецкій съ паперью узенькою, оправъ легкая“, и сѣдельныя тебеньки, простые и крымскіе. Употреблялись и попоны: между прочимъ есть въ числѣ вещей попона „красная, греческая“, и попоны „черкасскія, что называются коцы“. Этимъ мы заканчиваемъ описаніе одежды и вооруженія Слобжанъ, чтобъ перейти къ принадлежностямъ ихъ домашняго быта, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если для одежды и вооруженія есть въ нашемъ перечнѣ сравнительно дѣльный матеріалъ, хотя не лишенный значительныхъ пробѣловъ, причины которыхъ указаны выше, то для того предмета, къ которому переходимъ, мы находимъ, такъ сказать, лишь отрывки, намеки. Но читатель не будетъ требовать отъ насъ больше того, что мы можемъ ему дать по добросовѣстномъ знакомствѣ съ матеріаломъ. Все-таки и предлагаемое нами немногое

можетъ нѣсколько помочь составить представление о степени домашняго комфорта, какимъ пользовались зажиточнѣйшіе изъ нашихъ не слишкомъ отдаленныхъ предковъ.

Вотъ передъ нами спальня богатого Слобожанина. Въ перечнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ рѣчи ни о перинахъ, ни о подушкахъ, которыя, конечно, были роскошны, такъ какъ черпали свой матеріалъ изъ обильныхъ домашнихъ запасовъ. Нѣтъ рѣчи и о постельномъ бѣльѣ, по той же причинѣ, по какой нѣтъ рѣчи ни о какомъ бѣльѣ. Но зато можно составить себѣ понятіе объ одѣялахъ, наволокахъ, по-крайней-мѣрѣ, нарядныхъ, пологатахъ.

Одѣяла были теплыя и холодныя. Теплыя одѣяла подкладывались мѣхомъ или стегались на ватѣ. Употребительный мѣхъ подъ одѣяла—лисий, черевій или хребтовій, красныхъ лисицъ. Одѣяла, кромѣ покрывки, имѣли еще опушку, иногда одного цвѣта сверху, другаго—снизу и подкладку. Болѣе цѣнныя одѣяла крылись камкой, самыя нарядныя—объярью, мѣховыя также и сукномъ. Объяринныя одѣяла опушались также объярью сверху, снизу тафта, напр. такъ: объяринное осиновое одѣяло имѣло опушку изъ красной объяри съ травками золотыми, а снизу подушено рудо-желтою тафтою. Камчатное одѣяло опушалось камкой непременно другаго цвѣта: зеленое—красною камкой, лазоревое—желтою, васильковое—брусничною и т. д. На подкладку этихъ одѣялъ употреблялся кумачъ. Болѣе простыя одѣяла были выбойчатыя, опушались кумачемъ и подкладывались крашенинами. Нарядныя наволоки дѣлались или изъ камки разныхъ цвѣтовъ или изъ атласу, кажется, чаще краснаго; вышивались золотомъ или украшались нѣмецкимъ кружевомъ золото съ серебромъ. На нарядные пологи шла чаще всего тафта, одноцвѣтная или полосатая, также и другія шелковыя легкія ткани. Иногда пологъ дѣлался изъ двухъ тафтъ, напр. рудо-желтой и лазоревой и т. п. Простые пологи были выбойчатыя, пестрядинныя.

Отъ спальныхъ переходимъ къ другимъ комнатнымъ принадлежностямъ или украшениямъ. вмѣстѣ съ пологами встрѣчаются завѣсы. Что драпировалось ими? также ли кровати? или окна, двери? на что мы не можемъ дать отвѣта. Только можно сказать, что завѣсы дѣлались тяжелѣе, чѣмъ пологи: кромѣ того, что матерія для нихъ бралась болѣе плотная, онѣ еще клались на подкладку и опушались. Онѣ были изъ бархату, атласа, тафты, камки разныхъ цвѣтовъ, непременно съ золотыми травками, на подкладку тоже бралась матерія не изъ простыхъ: тафта, киндякъ, кутня (сукно)? Опушка, замѣнявшая позднѣйшія бахромъ, придумывалась иногда очень замысловато: такъ, у краснаго атласнаго завѣса находимъ опушку изъ чернаго бархата съ золотыми и шелковыми травами и изъ краснаго съ личинами и золотыми травами. Завѣсы прикрѣплялись на серебряныхъ кольцахъ.

Стѣны комнатъ обивались цвѣтными трипомъ, золочеными кожами, польскими килимами (ковры). Вообще, ковровъ было много, простыхъ, польскихъ, турецкихъ, персидскихъ. Вѣроятно, болѣе цѣнными покрывалась мебель, (упоминаются столовые ковры) менѣе цѣнными полъ. Впрочемъ, для столовъ мы встрѣчаемъ еще зеленое сукно, а также спеціальныя скатерти; напр., упоминается турецкая красная шелковая скатерть съ серебряными травами и золотыми полосками Лавки обивались зеленымъ сукномъ или покрывались „налавошниками“, цвѣтными, съ серебряными и золотыми травами. Цѣнной мебели мы встрѣчаемъ очень мало: въ числѣ вещей нѣсколько стульевъ, обитыхъ золочеными кожами, да рѣзная золоченая кровать—вотъ и все. Очевидно, почти вся мебель была простой домашней работы и лишь покрывалась разными цѣнными покрывками. Но все-таки комнаты не были лишены украшеній, напротивъ, имѣли ихъ даже въ большомъ изобиліи, и притомъ такихъ, которыя обнаруживали большія склонности къ изящному. Прежде всего, находимъ множество картинъ: разумѣется, мы ничего не знаемъ ни о ихъ сюжетахъ, ни о достоинствахъ ихъ выполненія—ничего, кромѣ того, что онѣ были большаго и малаго формата и писаны, большею частью, на холстѣ, а нѣкоторыя также на камкѣ и даже тафтѣ и объяри. Но все-таки любопытенъ самъ по себѣ фактъ того исключительнаго

интереса, который заставлял приобретать картины цѣлыми десятками. Въмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и большой вкусъ къ музыкѣ, который побуждалъ приобретать разнообразныя органы, „сундушныя“, „самоигральныя“, „съ шиннетами“ большія и малые, золоченныя, съ часами наверху и т. п. Однимъ словомъ, картины и органы—это главнѣйшія принадлежности комнатныхъ украшеній. За ними слѣдуютъ часы „боевыя въ ящикѣ“, „стѣнные“, „стѣнные нѣмецкія мѣдные“; затѣмъ зеркала также нѣмецкія стѣнныя. Думаемъ, что мы въ правѣ причислить къ комнатнымъ украшениямъ и иконы: ихъ искусное письмо, богатые оклады, рѣзные золоченныя иконостасы составляли многое въ общемъ эффектѣ комнатнаго убранства. Но, къ сожалѣнію, при перечисленіи ихъ не упоминается подробностей; узнаемъ только, что у богатыхъ людей того времени, какъ полковники Перекрестовы, кромѣ простыхъ иконъ, были иконы, писанныя на кипарисѣ и на бѣломъ желѣзѣ.

Въ числѣ принадлежностей, украшавшихъ покои ахтырскихъ полковниковъ, упоминается еще „рѣзной бѣлой поставецъ“. Поставецъ этотъ былъ, конечно, уставленъ той цѣнной серебряной и хрустальной посудой, которая тѣмъ массою перечисляется въ перечнѣ. Эта посуда, удовлетворяя своему специальному назначенію, служила въ то-же время и большимъ украшеніемъ для комнатъ; къ ней-то мы теперь и переходимъ.

Столовую серебряную посуду мы находимъ въ большомъ количествѣ и разнообразіи. Тутъ есть блюда, тарелки, четвертины, судки, кружки, стаканы и стаканцы, кубки и кубочки, чарки, рюмки, братиночка и горшечекъ, чашки, стоны, ковши, солонки, ложки. Въ число посуды пошла даже одна турецкая чернильница. По способу ея выдѣлки, посуда называлась „чеканною“, „рѣзною“, „лощатою“. Она дѣлалась или гладкою, или чешуйчатою, грановитою. Иногда она украшалась сканымъ серебромъ съ финифтью, иногда какими-нибудь фигурами. Серебряная посуда обильно золотилась, и снаружи, и изнутри. Наружная позолота была или полная, или только „мѣстами“; довольно часто серебро покрывалось чернью. Между столовой серебряной посудой первое мѣсто по обилію, разнообразію и даже изысканности украшеній, принадлежало сосудамъ для питья. Прежде всего стаканы. Стаканы были простые и „конфаренныя“; иногда съ „личинами“, въ видѣ украшеній, на ножкахъ и съ „кровлею“, на которой тоже допускалось украшеніе въ родѣ какого-нибудь „древца“. Кубки были или обыкновенныхъ размѣровъ или высокіе, съ крышками, хотя случалось и безъ крышекъ; но замѣтно, что какъ для стакана „кровля“ являлась исключеніемъ, такъ для кубка она была общимъ правиломъ. Также обязательно дѣлались съ кровлями и кружки. Это, кажется, былъ самый затѣйливый изъ сосудовъ: по крайней мѣрѣ, мы на кружкахъ чаще всего встрѣчаемъ украшенія, въ видѣ оленя, орла, яблочки и т. п. Чарокъ и рюмокъ очень немного, видно, что это не была распространенная посуда; чарки упоминаются „винныя“ и „большія раковыя“. Въ видѣ исключенія, встрѣчается братиночка, какъ-нибудь случайно забредшая сюда со своей сѣверной родины. Такимъ же исключеніемъ является ковшъ и стоны. Но четвертины (кварты) видимо принадлежали къ числу очень употребительной посуды. Чашки дѣлались съ ручками и съ крышкою. Изъ остальной столовой серебряной посуды, на первомъ планѣ, стоятъ тарелки; ихъ украшенія ограничивались тѣмъ, что онѣ мѣстами золотились. Блюда были или продолговатыя или круглыя, „съ вызолоченными накопешниками“, или мѣстами золоченыя, или вовсе безъ золота. Остальную необходимую для сервировки стола посуду, какъ-то солонки, судки встрѣчаемъ лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ; только ложекъ довольно много, больше четырехъ дюжинъ. Между солонками упоминается одна „тройная, сдѣланная тюмнанцами“.

Въ числѣ хрустальной посуды больше всего опять-таки стакановъ, большихъ, среднихъ и малыхъ; затѣмъ рюмокъ; упоминаются еще хрустальныя толстыя чашки и такая же сулейка.

Простая столовая посуда дѣлалась главнымъ образомъ изъ олова. Оловяныя блюда, плоскія и глубокія, подблюдники, тарелки, большія и малыя, кружки и четвертины были въ большомъ количествѣ, особенно тарелки и блюда. Кувшины и четвертины дѣлались также и изъ вылуженной красной мѣди.

Наше описаніе столовой посуды будетъ неполно, если мы не скажемъ еще о посудѣ дорожной. Въ козацкомъ обиходѣ, съ ихъ постоянными военными походами, всѣ дорожныя приспособленія должны были играть большую роль, въ томъ числѣ и посуда. Отсюда эти многочисленныя погребцы и „дорожныя шкатулы“. Погребцы заключали въ себѣ обыкновенно „крустальныя скляницы“, простыя же или „черкаскія и съ гранеными травками“; скляницы эти были или съ оловяными „тисками“ или безъ нихъ. Были погребцы и съ оловяною посудою, блюдами и тарелками. Дорожная шкатула, обитая бѣлымъ желѣзомъ, заключала въ себѣ блюда, тарелки, ложки, четвертины изъ бѣлаго желѣза. Эта жестяная посуда должна была имѣть преимущество передъ оловяной по своей легкости, но оловяная все-таки была употребительнѣе. Полная совокупность столовыхъ оловянныхъ вещей для похода носила особое названіе „полевого стола“. Чтобы сохранять лѣтомъ напитки въ дорогѣ употреблялось „мѣдное пuzдро“, въ которое клался ледъ и вставлялись фляжки. Для перевозки напитковъ служили также круглыя мѣдныя „бани“ нѣмецкой работы. Очевидно, полковники очень заботились о томъ, чтобъ не обходиться въ своихъ походахъ безъ привычныхъ напитковъ.

Объ остальныхъ принадлежностяхъ домашняго комфорта можно извлечь изъ нашего перечня только лишь кой-какія крохи. Узнаемъ мы, что для освѣщенія служили мѣдныя шандалы; болѣе нарядныя серебрялись. Чтобъ складывать мелкія и цѣнныя вещи—для этого служили ларчики и скриньки, которые сами бывали тоже затѣйливыя, изъ каменныхъ досечекъ и даже серебряныя, позолоченныя. Теперь нѣсколько словъ на счетъ туалетныхъ приспособленій. Для умыванья мы находимъ лишь простыя оловяныя рукомыльники и кувшины, да мѣдныя лохани и тазы—красной и зеленой мѣди. Но за то гребенки и гребешки имѣютъ „ногалица“ бархатныя красныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Интересно, что въ числѣ туалетныхъ принадлежностей находимъ даже костяную зубочистку.

Въ числѣ кухонной посуды на первомъ мѣстѣ стоятъ котлы и котлики, которые дѣлались изъ красной мѣди. Были еще и другіе котлы, входившіе въ составъ такъ называемой черной поваренной посуды: въ число ея, кромѣ котловъ, входили сковородки и кубы съ желѣзными ножками, ручками и дужками. Затѣмъ къ кухонной посудѣ относятся мѣдныя жаровни и рѣшетки, подблюдники, иготъ; сюда же частью входили и всѣ же вышеупомянутыя мѣдныя и оловяныя блюда, кувшины, кружки, четвертины, лохани, кубанцы и т. д.

Для храненія денегъ служили такъ называемыя „передачи“, которыя дѣлались изъ зеленой или красной мѣди.

Ахтырскіе полковники уже имѣли для своихъ выѣздовъ кареты, рыдваны, коляски нѣмецкой работы, городовыя сани. Кареты украшались гварусными бахрамами, или махрами, и обивались какой-нибудь матеріей и гвоздями съ мѣдными шляпами. Изъ принадлежностей упряжи упоминаются нѣмецкія шоры съ мѣдными наборами и шоры простыя. Хомутныя крышки были сафьянныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Для поклажи служили кожаныя сумки. Дорога освѣщалась слюдяными фонарями.

Къ дорожнымъ, точнѣе, къ походнымъ принадлежностямъ относятся наметъ: упоминается большой крашеный основной наметъ съ полами и большой полстѣю, что постигается въ наметѣ.

Вотъ все, что мы извлекли изъ перечня вещей полковниковъ Перекрестовыхъ, что могло бы служить для характеристики ихъ бытовой обстановки, слѣдовательно, для характеристики бытовой обстановки богатаго слобожанина начала прошлаго вѣка. Но если читатель сдѣлаетъ изъ сказаннаго

такой выводъ, что вещи Ахтырскихъ полковниковъ ограничивались тѣми предметами, о которыхъ мы упомянули, то онъ очень ошибется. Необходимо еще принять во вниманіе огромное количество запаснаго материала въ видѣ всевозможныхъ тканей, мѣховъ, кожъ и т. п. Люди того времени жили такъ, что при всякой новой надобности обращались не въ лавку, а въ свою кладовую, и за то уже если имъ случалось имѣть дѣло съ торговымъ человѣкомъ, то они не срамили себя бездѣлицей, а закупали обстоятельно, имѣя въ виду не текущій моментъ, а цѣлые годы, не себя только, а и своихъ дѣтей и внуковъ. Деньги имѣли для нихъ только мѣновую стоимость, и чѣмъ скорѣе и успѣшнѣе обращались онѣ въ вещи, тѣмъ лучше. Неудивительно поэтому, что у полковника Перекрестова, при такой массѣ вещей, упоминается наличными деньгами только: чеховъ на 85 руб., осмаковъ на 6 руб., 5 ефимковъ да 105 червонныхъ. Запасы же являются въ такихъ, можно сказать, грандіозныхъ размѣрахъ. Прежде всего мы находимъ запасъ золота и серебра для подѣлокъ, но къ сожалѣнію не умѣемъ перевести его на современныя мѣры. Золота (литернаго) упоминается 22 четвертки да кромѣ того еще 4 литры; затѣмъ 1 литра да 4 цевки золота пряденаго нѣмецкаго. Серебра—3 литры и 4 цевки да литернаго серебра 17 четвертокъ. Сверхъ того 2 литры серебра и золота польскаго, 12 пучковъ серебряныхъ снурковъ, серебряныхъ и золотыхъ, и еще 2 снурка вѣсомъ 10 золотниковъ. Запасъ галуновъ и нѣмецкихъ кружевъ золото съ серебромъ вполне соответствовалъ той большой роли, какую играли эти украшенія въ женскомъ костюмѣ; ихъ было въ сундукахъ полковника Перекрестова около пуда. Запасныхъ парчей, камокъ, суконъ было столько, что ихъ хватило бы на наряды еще многимъ полковничьимъ дочерямъ и сыновьямъ. Парчей и камокъ около 20 кусковъ, больше 300 аршинъ; все это парчи и камки съ золотыми травками, красныя, лазоревыя, зеленыя, васильковыя и жаркія. Сукна находимъ въ большемъ числѣ небольшихъ кусковъ, разныхъ цвѣтовъ, около 200 аршинъ. Зеленаго и краснаго бархату—50 арш.; бѣлаго атласа—10 арш.; тафтъ разныхъ цвѣтовъ—252 арш. да двѣ нестрияныя тафтяныхъ персидскихъ по 13 арш. каждая; лудановъ, разныхъ цвѣтовъ, 9 косяковъ; кумачей, красныхъ, зеленыхъ и вишневыхъ—18, киндиковъ—17, ценделей—15, выбоекъ—5, трину—4 штуки, или кусковъ. Кромѣ того, 30 аршинъ полосатой китайской кутни да 117 аршинъ обы крымской. Въ значительномъ количествѣ находимъ въ полковничьихъ сундукахъ также всевозможныя мѣха. Собольихъ $2\frac{1}{2}$ мѣха да лоскутъ; лисьихъ— $5\frac{1}{2}$ мѣховъ да еще 4 лисицы красныхъ да 62 пары лисьихъ душекъ; $1\frac{1}{2}$ мѣха рысѣихъ; хостовъ, которыми отдѣлывалась зимняя одежда, собольихъ—56, кунныхъ—24, да пучковъ, кунныхъ—27; 3 куницы съ хвостами; выдѣланный боберъ; бѣлыхъ мѣховъ, хребтовыхъ и черевыхъ, больше 50; мѣхъ волчьей лапчатой да 2 волка; 4 медвѣдицы, черныхъ и бѣлыхъ. Къ мѣхамъ же надо отнести 82 овчины бараньихъ. Для обуви и разныхъ подѣлокъ находимъ порядочный запасъ выдѣланныхъ тонкихъ цвѣтныхъ кожъ: 10 замшей, вишневыхъ и красныхъ, 70 сафьяновъ и 30 козлиныхъ желтыхъ и красныхъ, 10 черныхъ хозовъ. Для отдѣлки одежды, кромѣ упомянутыхъ выше кружевъ и галуновъ, есть 12 штукъ „линтовъ нѣмецкихъ разныхъ цвѣтовъ“ и 1200 арш. всевозможнаго шелковаго снурка. Объ остальныхъ запасахъ, въ видѣ дощатой мѣди, каретныхъ гвоздей, подошвенныхъ кожъ и т. д. не будемъ распространяться.

Но зачѣмъ мы такъ остановились на запасахъ, приводя даже ихъ подлинныя цифры? Мы имѣли при этомъ двѣ цѣли: во-первыхъ, дать понятіе о томъ, какое значеніе имѣли запасы въ общей суммѣ хозяйственныхъ вещей; во-вторыхъ, при помощи цифровыхъ данныхъ показать, въ чемъ состояло богатство тогдашняго состоятельнаго человѣка. Но для этой второй цѣли необходимо еще привести такія же цифровыя данныя о количествѣ готовыхъ вещей, входившихъ въ имущество полк. Перекрестова. Мы и приведемъ ихъ въ возможно сокращенномъ видѣ. Всего серебра въ посудѣ насчитывается больше 4-хъ пудовъ, да въ сайдачныхъ и поясныхъ оправахъ,

наручкахъ и мисюркахъ, кромѣ булавъ, около $\frac{1}{2}$ пуда, итого $\frac{4}{2}$ пуда; слова въ посудѣ кромѣ 24 блюды и столькихъ же тарелокъ, въ погребѣхъ, 30 пуд. Мѣди, красной и зеленой, въ разнообразной посудѣ, столовой, дорожной, кухонной, около 25 пудъ. Погребцовъ и дорожныхъ шкатулъ съ хрустальной, оловянной и жестяною посудой, кромѣ пудра и банъ, 9. Разныхъ хрустальныхъ вещей больше 100 штукъ. Изъ драгоценностей, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, перечисляется 15 перстней и около 2 фунтовъ жемчугу. Сюда-же относятся булавы—ихъ всего счетомъ 3—и сабли: сабель, украшенныхъ драгоц. камнями, 5, всего сабель и налешей 12. Остальное оружіе, и военныя принадлежности, больш. частью съ цѣнной отдѣлкой и украшеніями, въ такомъ количествѣ: мисюрекъ—7, лубевъ съ колчанами—16, луговъ—6, панцирей—9, пицалей—26, пистолетовъ—6 паръ, также и одстръ, кромѣ отдѣльныхъ одстровыхъ отворотовъ, роговъ—9, борошней—21, лядунокъ—8. Сѣдельн. 12, кромѣ 19 простыхъ, *людскихъ*, несклеенныхъ, арчаковъ, да еще отдѣльныя сѣдельныя подушки, крылья, войлоки, платки; около 20 уздъ. Нарядной одежды мы находимъ мужскихъ кафтановъ—45, женскихъ кафтановъ—53, саяновъ—5, бостроговъ—8. Затѣмъ одѣяль—25, наволокъ—6, завѣсы и пологовъ—8, ковровъ съ килимами—34. Иконъ и крестовъ—19, органъ съ шпинетомъ—6, часовъ—6, экипажей—10. Вотъ почти и всѣ цифры цѣнныхъ вещей, составлявшихъ имущество ахтырскихъ полковниковъ Перекрестовыхъ; пропустили мы лишь кой-какія мелочи—платки, упряжныя принадлежности, картины, также не особенно цѣнныя вещи, попадавшіяся въ перечнѣ единично.

Но зачѣмъ мы нагромодили здѣсь столько подробностей, не остановившись даже передъ числовымъ перечнемъ, всегда, естественно, такъ непривлекательнымъ для читателя? Изъ уваженія ли къ исторической детальности, которая снѣшитъ регистрировать всякій фактъ въ надеждѣ, что онъ найдетъ свое приложеніе въ будущемъ творествѣ научнаго труда или „умысль другой тутъ былъ“? Признаться именно другой, хотя мы и не знаемъ, вышло ли что изъ этого умысла. Намъ хотѣлось дать читателю возможно больше конкретныхъ данныхъ, которыя помогли бы ему представить, что такое былъ домашній обиходъ тогдашняго нана и сравнить его съ современнымъ строемъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ ахтырскую полковницу, у которой лежитъ въ сундукахъ 50 нарядныхъ кафтановъ, которые она получила отъ своей бабушки и передаетъ внучкѣ, да еще въ запасъ матерій на столько же—и современную даму соответственнаго социального положенія, которая шьетъ, при помощи магазина и модистки, въ сколько платьевъ въ годъ, чтобъ бросить ихъ на слѣдующій. Разница огромная. Разница эта прежде всего, конечно, обуславливается тѣмъ, что называютъ различіемъ въ нравахъ и обычаяхъ. Но нигдѣ такъ отчетливо, какъ въ этой сферѣ, не выступаетъ связь между обычаемъ общества и его экономическимъ строемъ. Всѣ эти сундуки съ безчисленными кафтанами, саблями, кусками матерій и т. п. есть яркіе симптомы того хозяйственнаго строя, который принято называть патриархальнымъ. Отдѣльное хозяйство есть законченная экономическая единица, которая производитъ для собственнаго потребленія, а избытокъ обращаетъ въ предметы роскоши. Деньги цѣнятся почти столько же, сколько и всякій другой предметъ, составляющій богатство, и понятно стремленіе поскорѣе обращать ихъ въ вещи: онѣ еще не выросли въ капиталъ, своимъ ростомъ и оборотомъ постоянно создающій новыя и новыя цѣнности. Ахтырскому полковнику пріятнѣе видѣть на полкѣ въ своей горницѣ лишній десятокъ драгоценныхъ кубковъ, чѣмъ знать, что въ мѣдной „передачѣ“, залертой въ его кладовой, лежитъ лишняя сотня червонцевъ: богатство въ такой формѣ доставляетъ ему несравненно больше удовольствія, пользы, даже уваженія. Недвижимость, общаая, грѣбно защищеннаго отъ вліяній капризной и скоропроходящей моды, недвижимость, которая была результатомъ патриархальнаго экономическаго строя, поддерживала его въ свою очередь: всякій снѣшилъ обращать деньги въ вещи, между прочимъ и потому, что вещамъ не угрожало обезцѣненіе.

вследствие изменившихся требованій вкуса. Ахтырскій полковникъ былъ увѣренъ, что сабля, снятая его дѣдомъ съ польскаго шляхтича въ битвѣ при Збаражѣ, будетъ точно также украшать нарядный кафтанъ его внука. Увы, онъ не предчувствовалъ, какъ близки нынѣ времена: внуки выломали драгоценные камни изъ эфесовъ, чтобъ украсить ими пряжки своихъ французскихъ башмаковъ, перелили серебрянную посуду, побросали нарчевые кунтуши—въ лучшемъ случаѣ пожертвовали ихъ въ церковь на ризы и др. украшенія. Медленными, но неотразимыми шагами надвигался иной экономическій строй, и въ то же время вторгались иные обычаи, нравы, вкусы, моды, для которыхъ мѣняющіяся экономическія условія все болѣе и болѣе расчищали почву. И вотъ уже и любитель старины, составитель археологической коллекціи, съ трудомъ отыщеть какую-нибудь вещь изъ полковничьихъ сундуковъ, и только архивъ вѣрно хранитъ свою запись.